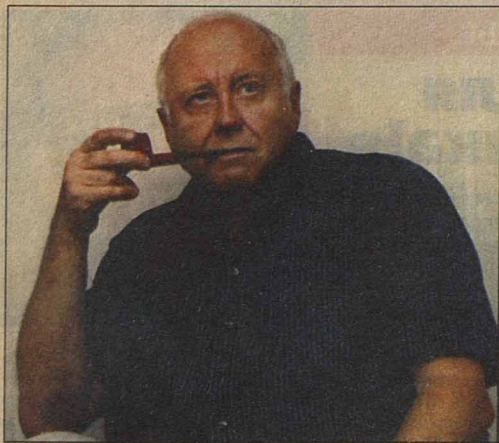

Михаил Любимов: андропов — трусливая жопа. А ИЗ НЕГО СВЯТОГО ЛЕПЯТ

Не знаю, как другие, а 10 лет назад, осенью 1990-го, каждую неделю с нетерпением ждал выхода очередного номера одного из столичных журналов, чтобы с наслаждением читать продолжение романа Михаила Любимова «И ад следовал за ним...». Это был потрясающий шпионский триллер, совершенно необычный не только для тех, но даже и для нынешних времен: наш разведчик в Англии, но не привычный по романам Юлиана Семенова типаж — постоянно пьет (причем не положенную патристическую водку, а исключительно вражеский скотч «Гленlivet»), напропалую трахается с кем попало да еще и хаает высокое чекистское начальство за непреходящую тупость.

«Что такое разведка, до сих пор не знают»

— Михаил Петрович, получается, что вы — первопроходец нового жанра в нашей литературе. Ваш Алекс Уилки — первый у нас образ неромантического, негероического шпиона...

— Ну как же неромантического? Мой герой стихи в тюрьме пишет!

— И все же еще не встречал в отечественной литературе такого образа разведчика. Нам как-то привычнее классически невозмутимый Штирлиц, использующий спиртные напитки только в качестве ударного инструмента против Холтофа и равнодушно вззирающий на женщин с безопасного расстояния.

— Вы знаете, во всем мире, у нас в том числе, толком и не знают, что такое разведка. Ее постоянно путают то со спецназом, то с берущими «языка» фронтовыми разведчиками. Называют себя разведчиками и те, кто занимается наружным наблюдением, — но они же не разведчики, а топтуны. Сплошной набор штампов и стереотипов: у нас Штирлиц, у них — ничем принципиально не отличающийся от него Джеймс Бонд.

— Где вы у нас найдете в литературе положительный образ, скажем, английско-го или американского агента? Но и у них то же самое, если еще не хуже, особенно в массовом чтении. Почитаешь, что они пишут, и почувствуете, что такое «американский соцреализм». У них образ русских, особенно в фильмах, стандартно-клишированный: у всех такие отвратные рожи, золотые зубы, все стаканами пьют водку не закусывая, а если и закусывают, то этими же стаканами. И все это отдано на съедение читателям.

— Странно все это: литература у нас вроде как всегда была неплохая, а вот чтобы красиво, с блеском и изяществом сотворить классический шпионский роман — кишка тонка.

— Просто у нас никогда не было таких литературных традиций, совсем об этом не писали. Ну какая прицаря вообще была разведка (не путать с политсыском — уж тут всегда полный порядок)? По большому счету так себе, никакая. Почему? Военная разведка, скажем, по-настоящему у нас сформировалась только после

русско-японской войны. А политической практически не было.

— Ну как же — шпионили же во все времена, у нас в том числе: и при Иване Грозном, и в петровскую эпоху.

— Разведка тогда была частью дипломатии, а дипломатия облакалась ореолом исключительной секретности — что об этом могли

знать посторонние люди, литераторы? Так же, как и в Англии, — там, кстати говоря, вопреки всеобщему убеждению, разведка как таковая сформировалась лишь лет на двадцать раньше нашей и первоначально тоже была по преимуществу дипломатической. У американцев она вообще появилась лишь к середине XX века.

Все стаканами пьют водку не закусывая, а если и закусывают, то этими же стаканами

логичного американского — нет у них ничего подобного! Семенов, между прочим, при написании очень умело использовал недоступные тогда обычному нашему читателю мемуары Вальтера Шелленберга — это легко заметить. Но до Ле Карре он, конечно, недорос. Семенова можно ругать, но ведь и на Западе — что, Том Клэнси лучше? Прочитал его «Охоту за «Красным Октябрем» и так плелась! Больше брать в руки не хочется.

«Семнадцать мгновений весны» — очень слабая вещь

Если же брать литературу классическую, то первыми в этом плане можно считать киплингские вещи — его миссионеры со спецзаданиями и т.д. Нет, если подумать, окажется, что о разведчиках и шпионах писали, и много, просто та литература была настолько слаба — именно как литература, потому и забыта. Возьмите Даниэля Дефо — у него есть интересное эссе о борьбе с диссидентами, выступавшими против коро-

ля! Не классический, конечно, шпионский триллер, зато классика уже из серии противоборства политического сыска и инкомыслящих. Но самые лучшие вещи на шпионскую тематику, на мой взгляд, принадлежат Сомерсету Моэму, Грэму Грину и конечно же великолепному Ле Карре, пара неплохих вещей есть у Фредерика Форсайта.

— А как вы относитесь к уже почти забытому Юлиану Семенову? Лично я считаю, что его вещи — не литература. Нет страстей, человека, хотя интрига порой и встречается.

— К нему можно по-разному относиться. У него есть очень слабая, хотя и экранизированная (тоже так себе) повесть «ТАСС уполномочен заявить», а уж «Семнадцать мгновений весны» вообще очень слабая вещь — она выиграла исключительно за счет качественной экранизации. Но этот фильм, кстати говоря, на голову выше любого ана-

логичного американского — нет у них ничего подобного! Семенов, между прочим, при написании очень умело использовал недоступные тогда обычному нашему читателю мемуары Вальтера Шелленберга — это легко заметить. Но до Ле Карре он, конечно, недорос. Семенова можно ругать, но ведь и на Западе — что, Том Клэнси лучше? Прочитал его «Охоту за «Красным Октябрем» и так плелась! Больше брать в руки не хочется.

— А какой тут феномен? Думаю, большинство считают, что чекисты сохранили романтический ореол. Вот вокруг Путина тоже ореол, хотя никто толком о нем ничего не знает. А вот считают, что разведчик. И хороший.

кой бывший начальник разведки, владеющий пером, как Шебаршин, вполне мог бы за это взяться, не раскрывая, конечно, секретов, — было бы интересно.

— Зато нынче чекисты в моде не только литературной, но и политической. В чем причина такого феномена?

— А какой тут феномен? Думаю, большинство считают, что чекисты сохранили романтический ореол. Вот вокруг Путина тоже ореол, хотя никто толком о нем ничего не знает. А вот считают, что разведчик. И хороший.

«Радуюсь, что Путин не пьет — в ЧК это редкость»

— Может, этот ореол рукотворный?

— Запретный плод всегда привлекает, а то, что секретно, вызывает интерес не только у писателей... Думаю, здесь больше мифологического. Народ вообще верит в добрых героев — в того же Юрия Владимировича Андропова, хотя это совершенно не та фигура. Говорят, он гений — да жопа он, трусливая жопа! А из него святого лепят!

— Ну, не только из него. Вот и еще один появился, непьющий...

— Радуюсь, что Путин не пьет, хотя это редкость в ЧК. Это может быть свидетельством сильного характера, но может и, наоборот, управляемости...

— Но если между чекистами и спецслужбистами других стран особой разницы нет, то бросается в глаза другое: господа, которые служили в ЦРУ, МИ-5 или МИ-6, не становятся губернаторами, сенаторами, президентами.

— Это требует исследования, действительно не знаю в Англии ни одного премьера, служившего раньше в спецслужбах. Хотя среди членов парламента такие были. Но думаю, что Путин вошел в политику только благодаря своим личным связям, а не

профессиональным навыкам.

— Кстати, а что они все время на Калугина рычат, ярлык предателя навешивают — уже устами президента?

— А-а, известная реплика Путина рассчитана на чекистскую братию. Это все из той же серии, что и памятная доска Андропова и т.д. Беда Олега в том, что он слишком любит все комментировать. И Путина умудрился откомментировать, вот и наварился... А стоило Путину вякнуть про него, так Олег тут же подал заявление о предоставлении политического убежища. Но, с одной стороны, это все же приятно — доказывает, что он не агент! Какой он к черту агент ЦРУ, если до сих пор не может получить вид на жительство?! А по поводу того шумного скандала с арестом Липки якобы по наводке Калугина, так это как раз ФБР подставило, заложило — обиделись, что не хочет Калугин сдавать им наших бывших агентов. Сейчас выяснилось, что ничего и никого он не выдал: есть такой перебежчик Митрохин — вот он сейчас и размахивает Липкой, крича, что сдал его. Нет, нельзя говорить, что Калугин — агент ЦРУ!

— А как вы вообще решили взяться за перо?

— Так сложилось. В какой-то степени я самоучка, писать начал в семь лет. Писал стихи — папе на фронт, маме, коту Барсику. И всегда очень много читал. В институте прочитал всего Шекспира в оригинале, делал выписки — до сих пор лежат. Такой литературный мальчик... И когда в девять лет под влиянием «Цусимы» Новикова-Прибоя написал свой первый роман — шесть страниц о моряках, остановился: что же дальше? Мама тогда сказала: «Миша, роман у тебя хороший, только вот зря у тебя адмирал в метро ест мороженое. Наш адмирал не будет в метро мороженое есть». Вот так и начинал...

Владимир ВОРОНОВ.

Любимов Михаил Петрович

1994 28.9.2000.